

УДК 94(571.51)

ББК 63.3(2Рос-4Крн)6

М. А. Гилько

**Влияние Транссибирской магистрали на размещение
кустарных промыслов Енисейской губернии
в конце XIX — начале XX в.**

M. A. Gilko

**Influence of Trans-Siberian Railroad
on Handicraft Industries Distribution
in Yeniseysk Province in Late XIX — Early XX Century**

Исследуется влияние Транссибирской магистрали на территориальное размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в. На основе статистических данных автор выделяет различные районы и периоды и проводит сравнение размещения промыслов старожилов и переселенцев. Выдвигается гипотеза об активизации промысловой деятельности переселенцев на всех территориях и всех крестьян в районах, отдаленных от железной дороги. По результатам исследования делается вывод о частичном подтверждении гипотезы: названные явления достаточно явно проявились в 1909–1913 гг. В очень отдаленных от магистрали и не затронутых ее влиянием районах обнаруживается тенденция постепенного роста темпов открытия новых промыслов. Это явно отличается от скачкообразной динамики этого процесса на прилегающих к Транссибу территориях. Анализируется специфика промысловой деятельности переселенцев, отмечается низкий уровень специализации переселенцев-промысловиков.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Транссибирская магистраль, кустарные промыслы, переселение.

DOI 10.14258/izvasu(2013)4.2-09

Проблема территориального размещения сибирских промыслов и воздействия на них Транссибирской магистрали является малоизученной. В имеющихся работах преимущественно рассматриваются добывающие промыслы Западной Сибири. Проблемы влияния Сибирской железной дороги и размещения промыслов глубокой проработки не получили.

Малоизученность темы во многом обусловлена недостатком сведений по данному вопросу. Однако имеются уникальные данные, представленные в работе А. Г. Шлихтера «Кустарные промыслы в Енисейской губернии» (1915 г.).

С одобрения правления общественной организации «Восточно-Сибирское общество сельского хозяйства, промышленности и торговли» эконо-

The article explores the Trans-Siberian Railroad influence on the distribution of the handicraft industries in Yeniseysk province in the XIX — early XX centuries. The statistical data makes it possible for the author to single out various districts and periods and compare the old settlers' (starojily) and migrants' (pereselentsy) enterprises distribution. He supposes that the migrants' domestic industries and the peasant's enterprise activities increased in all the districts distant from the railway. The research results support the assumption. The named phenomena became obvious in 1909–1913. There was a tendency of gradual handicraft industries growth in the districts situated very far from the railway and therefore untouched by the railway's influence. It differs obviously from the spasmodic process in the districts adjoining the Trans-Siberian Railroad. Also the article analyzes the peculiarities of the migrants' handicraft industry activity, as well as the low level of specialization of the migrants involved into the enterprise.

Key words: Yeniseysk province, Trans-Siberian railroad, handicraft industry, resettlement.

мистом-статистиком губернской управы, ссылкой А. Г. Шлихтером в 1913 г. во все 2282 населенных пункта губернии была отправлена подробно разработанная им анкета. Этот метод был избран из-за нехватки денег [1, с. VI]. Однако, такой метод как рассылка опросных листов (бланковый способ) в качественном отношении сильно уступал экспедиционному сбору данных, т. е. подворному описанию, проводимому статистиками на сельском сходе [2, с. 12]. Если в Европейской России к этому способу стали переходить еще в 1870–1880-х гг., то А. Г. Шлихтер и в 1913 г. был вынужден прибегнуть к менее совершенному способу. Уже сам этот факт красноречиво свидетельствует о низком уровне развития как самих промыслов, так и их изучения.

Ответы на вопросы анкеты были получены примерно из половины селений, количество хозяйств которых составляло около 70% от общего количества дворов губернии. По уездам эти показатели распределились следующим образом: 57,1% селений дали ответ в Ачинском уезде, 43,5% — в Енисейском, 45,9% — в Канском, 50,3% — в Красноярском, 45,1% — в Минусинском. 72,8% дворов ответили в Ачинском уезде, 63,7% — в Енисейском, 63,7% — в Канском, 71,4% — в Красноярском, 77,6% — в Минусинском.

Данная информация является не сплошной, так как ответили не все селения, а стихийно сформировавшейся выборкой. Такая выборка считается случайной (т. е. соответствующей требованиям статистики), если сбор и хранение данных носили непреднамеренный, беспристрастный характер [3, с. 38].

Сбор сведений происходил посредством распространения анкеты на местах через сельских старост, священников, народных учителей, агрономический персонал [1, с. VI, 1]. Эти частные распространители собирали данные о состоянии промысловой деятельности во всем селении. Трудно представить, что они имели какие-то основания утаивать полученные сведения или намеренно искажать их. Даже если предположить, что в отдельных случаях это происходило, то совершенно ясно, что какого-либо организованного сговора корреспондентов в масштабах всей губернии быть не могло.

Учитывая невысокий уровень развития средств связи в Енисейской губернии, можно заподозрить, что до А. Г. Шлихтера дошли анкеты лишь из близлежащих к Красноярску местностей. В действительности лишь пять волостей губернии (4,9% от всех волостей губернии) не отправили ни одного ответа, причем три из них находились в Канском уезде (11,1% всех волостей уезда), две — в Красноярском (11,8% всех волостей уезда) [1, с. 2]. Таким образом, процесс случайного формирования выборки не был подвержен существенному влиянию фактора близости к губернскому или уездному городу.

Из многих волостей данные пришли не по всем селениям. Суммируя волости, в которых не ответили на анкету от 50,1 до 100% селений, получим почти треть (37,2%) от всех волостей губернии. Выше всего этот показатель в Енисейском уезде (71,4%), ниже всего — в Ачинском (18,1%) и близок общегубернскому в Красноярском (28,8%), Минусинском (31%) и Канском (37%) уездах [1, с. 2]. Используя имеющиеся в «Списках населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края» (данные 1916–1919 гг.) сведения о 31 из 38 таких волостей мы установили, что 15 волостных сел находились на расстоянии до 100 км от уездного города, а 16 — в 101–200 км от уездного города. Следовательно, здесь также не наблюдается влияния фактора близости к уездному городу.

Что же касается хранения и обработки полученных данных, то все они были обработаны А. Г. Шлихтером и сведены в опубликованные таблицы, а также не изданные из-за нехватки денег диаграммы и картограммы [1, с. VI]. Следовательно, и на этом этапе не происходило пристрастного отбора информации.

Таким образом, имеющаяся выборка данных по кустарному производству в Енисейской губернии может быть признана случайной и пригодной для анализа.

Подсчеты А. Г. Шлихтера показали, что в губернии имеется 403 селения с кустарным производством, в них 5647 промысловых хозяйств с 14 тыс. чел. Поскольку из этих селений лишь 395 ответили на все вопросы, дальнейшие подсчеты будут вестись именно по этому количеству селений [1, с. 3–4, 23]. 701 селение вообще не дало ответа. А. Г. Шлихтер отмечал, что исследована «половина селений губернии, притом довольно равномерно разбросанных по ее волостным и уездным площадям», и считал «теоретически позволительным распространение общих выводов анкеты на те селения, из которых ответа не было получено» (курсив автора цитаты. — М. Г.) [1, с. 3]. В целом с этим можно согласиться. Полученные нами абсолютные показатели не будут однозначно точными, но относительные данные будут вполне достоверными, отражающими тенденции.

В работе А. Г. Шлихтера перечисляются все установленные статистическим обследованием хозяйства, занятые промыслами, с указанием продолжительности их существования, количества промысловых дворов и селений, в которых они расположены. Используя «Список населенных пунктов Енисейской губернии» (1911 г.), мы определили расстояние от всех селений с промыслами до ближайшей железнодорожной станции. На основании этих данных нами были выполнены подсчеты, которые анализируются ниже.

По определению автора исследования, кустарный промысел подразумевает производство на рынок или для скупщика таких товаров, как горшки, гвозди, ножи, полотно, масло, сани, лодки, бочки, корзины, валенки и т. п. [1, с. 162–163]. О конкретных объемах такого производства данных нет, но естественно, что, будучи связанным с повседневными нуждами крестьян, оно имело широкое распространение.

Отметим, какое значение для промыслов могла иметь близость или отдаленность от железнодорожных станций. Здесь существенны три аспекта в связи с товарооборотом, рабочей силой и переселенческим движением.

Во-первых, проведение Транссибирской магистрали увеличило ввоз в Сибирь различных промышленных изделий. Население Енисейской губернии не могло предложить никаких собственных изделий для вывоза. Соответственно, мы можем предположить, что проживавшие вблизи магистра-

ли крестьяне, получая товаров от железной дороги больше, чем предоставляя взамен, не имели серьезных стимулов к развитию собственного ремесленного производства.

Наоборот, крестьяне отдаленных районов, не получающие привозных изделий, очевидно, должны были расширять кустарную промышленность.

Во-вторых, проведение железной дороги оказало сильное влияние на рынок рабочей силы в губернии. Тысячи крестьян были заняты на магистрали во время ее строительства и в последующие годы. Следовательно, вблизи Транссиба селяне могли сократить свои занятия ремеслом ради работы на железной дороге. Естественно, что крестьяне дальних деревень

могли получить дополнительный заработок, только занимаясь кустарным производством.

В-третьих, благодаря магистрали переселенческое движение в Сибирь выросло в разы. Со временем переселенцам приходилось уходить все дальше в тайгу, на необжитые земли, где необходимо было создавать ремесленное производство.

Учитывая это, предположим, что, во-первых, кустарные промыслы должны были активнее развиваться в отдаленных от железной дороги частях губернии, и, во-вторых, что большой вклад в это развитие должна была вносить деятельность новоселов. Проверим, подтверждает ли наши гипотезы фактический материал (см. табл. 1; подсчитано по: [1, с. 51–74; 4]).

Таблица 1
Размещение промыслов трех уездов в старожильческих и переселенческих селениях

Период, в который возникли промыслы	Общее количество и количество возникших в старожильческих / переселенческих селениях промыслов на расстоянии от станций железной дороги в Красноярском, Канском и Ачинском уездах, км				
	На всей территории	0–50 (1-й)	51–100 (2-й)	101–150 (3-й)	151–200 (4-й)
1894–1913	557 (303/254)	250 (137/113)	162 (76/86)	86 (45/41)	59 (45/14)
Первый 1894–1898	51 (45/6)	19 (18/1)	17 (13/4)	4 (4/0)	11 (10/1)
Второй 1899–1903	78 (41/37)	34 (16/18)	30 (14/16)	7 (5/2)	7 (6/1)
Третий 1904–1908	164 (92/72)	95 (47/48)	41 (23/18)	21 (17/4)	7 (5/2)
Четвертый 1909–1913	264 (125/139)	102 (56/46)	74 (26/48)	54 (19/35)	34 (24/10)

Отметим также, что в данных подсчетах мы не учитывали промыслы Енисейского и Минусинского уезда, так как, во-первых, почти все селения этих уездов находились более чем в ста километрах от магистрали, во-вторых, переселение на эти территории шло менее активно, чем в три центральных уезда. Следовательно, и влияние магистрали на развитие двух отдаленных уездов было слабым. Данные по этим двум уездам будут приведены отдельно.

Данные по Ачинскому, Канскому и Красноярскому уездам позволяют сделать следующие выводы.

При удалении от железной дороги количество новых промыслов снижается как за весь период 1894–1913 гг., так и за каждое пятилетие (за исключением лишь самого отдаленного района в 1-й период). Почти половина из всех 557 промыслов возникла в 4-й период и почти треть — в 3-й. В территориальном отношении примерно половина новых промыслов возникла на расстоянии до 50 км от магистрали и почти треть — в 51–100 км.

Что касается темпов роста, то в 1-й и во 2-й периоды в 1-м и 2-м районах прирост промыслов был поч-

ти одинаковым (19 и 17, 34 и 30 промыслов соответственно). В эти же периоды в 3-м и 4-м районах были незначительные колебания (с 4 до 7 и с 11 до 7 соответственно). В 3-й период в 1-м районе прирост был почти трехкратный (95), как и в 3-м районе, но абсолютные показатели в последнем были гораздо ниже (21). В 4-й период темпы прироста в 1-м районе почти не изменились (102), во 2-м районе прирост оказался почти двукратным (с 41 до 74), в 3-м — прирост в 2,5 раза (с 21 до 54), в 4-м — пятикратный (с 7 до 34).

Перейдем к сравнению промысловой активности старожилов и переселенцев.

За все двадцатилетие промыслов старожилов возникло больше на 10% (303 против 254). В 1-й период их было больше в 7,5 раз (45 / 6). Во 2-й отношение было почти равное на фоне некоторого снижения промысловой активности старожилов (41 / 37). В 3-й — старожильческих снова было на 10% больше (92 / 72). Зато в 4-й период больше уже оказалось переселенческих промыслов, хотя лишь на 5% (125 / 139). Из 16-ти случаев (по каждому периоду и району) в 11-ти преобладали старожильче-

ские промыслы, как правило, с большим отрывом (примерно в соотношении 2 к 1). Из прочих 5-ти случаев в 3-х количество старожильческих и переселенческих промыслов было примерно равное, с небольшим перевесом последних (77 / 82). Так ситуация складывалась во 2-й период в 1-м и 2-м районах и в 3-й период в 1-м районе. И лишь в двух случаях (2-й и 3-й районы в 4-й период) количество переселенческих промыслов было значительно выше: 26 против 48 и 19 против 35 соответственно. Именно благодаря этому почти двукратному преобладанию в двух районах количество переселенческих промыслов в 4-й период превысило старожильческие. Причем в этот период возникло 55% всех переселенческих промыслов. Кроме того, вероятно, какую-то часть промыслов в старожильческих поселках открыли именно новоселы, водворившиеся в них. Подсчитать их число невозможно, но их не могло быть много, поскольку, по данным В.А. Степынина, по всей губернии в 1893–1900 гг. из всего переселенческого потока лишь 13% подселилось к старожилам, а в 1906–1916 гг. — 16,1%, что в первом случае составило 11924 души обоего пола, во втором — 21992 души мужского пола (т. е. порядка 40 тысяч душ обоего пола) [5, с. 109, 331].

Таким образом, наши предположения подтвердились не полностью. Отдаленные от железной дороги территории значительно отставали от прилегающих к ней в открытии промыслов, хотя в 1909–1913 гг. относительные показатели прироста промыслов в 3-м и 4-м районах были выше, чем в 1-м и во 2-м.

Гипотеза о преобладании переселенческих промыслов тоже подтвердилась не полностью. Темпы прироста их промыслов были выше, чем старожильческих: первые преобладали в 1909–1913 гг. Но преобладание не было повсеместным, а имело место лишь в районах, отстоящих от магистрали на 51–150 км.

Нельзя не отметить, что именно резко увеличившийся прирост переселенческих промыслов в этих

районах (на фоне стабильных темпов роста старожильческих промыслов) стал основным фактором роста темпов открытия новых промыслов здесь. Однако на 4-й район эта тенденция не распространилась.

Енисейский и Минусинский уезды, расположенные от железной дороги к северу и югу соответственно, почти не испытали ее влияния, и ремесленная жизнь здесь шла в основном по-старому, без потрясений и перестройки.

Перейдем к анализу положения в этих двух уездах.

В Минусинском уезде (см. табл. 2; подсчитано по: [1, с. 51–74; 4]) подавляющее число новых промыслов было расположено в 301–500 км от железной дороги. Прирост промыслов как в целом, так и по каждому району в отдельности шел постепенно, практически без скачков и остановок. Исключением здесь стало лишь почти двукратное ускорение темпов роста в 3-м районе в 3-й период и в 4-м и 5-м районах в 4-й период. Вероятно, это связано с процессом специализации промысловой деятельности крестьян. По крайней мере объяснить это явление механическим и естественным приростом населения вряд ли возможно. По подсчетам В. А. Степынина, в 1896–1905 гг. в Минусинском уезде было заготовлено лишь 13,2% от общего числа участков для водворения переселенцев в губернии (или 17,7% от общей площади этих участков) (подсчитано по: [5, с. 560–561]). Примерно такой же была доля Минусинского уезда и в последующее десятилетие. К тому же прирост населения в Канском уезде за 1894–1906 гг. составил 80 тыс. чел., а в Минусинском — около 70 тыс. чел. (подсчитано по: [6, с. 90–91; 7, с. 80–81]). В следующее десятилетие это соотношение еще больше увеличилось в пользу Канского, а также Ачинского уездов. Следовательно, изменение уровня ремесленного производства напрямую не связано с масштабами колонизации.

Таблица 2

Размещение промыслов в Минусинском уезде по старожильческим и переселенческим селениям

Период, в который возникли промыслы	Общее количество и количество возникших в старожильческих / переселенческих селениях промыслов на расстоянии от станций железной дороги в Минусинском уезде, км						
	На всей территории	251–300 (1-й)	301–350 (2-й)	351–400 (3-й)	401–450 (4-й)	451–500 (5-й)	501–550 (6-й)
1894–1913	373 (329/44)	32 (29/3)	77 (74/3)	94 (84/10)	81 (76/5)	80 (57/23)	9 (9/0)
Первый 1894–1898	55 (52/3)	2 (2/0)	11 (11/0)	15 (14/1)	18 (18/0)	8 (6/2)	1 (1/0)
Второй 1899–1903	65 (59/6)	2 (2/0)	18 (17/1)	16 (15/1)	13 (13/0)	15 (11/4)	1 (1/0)
Третий 1904–1908	102 (92/10)	12 (12/0)	21 (20/1)	31 (28/3)	16 (16/0)	21 (15/6)	1 (1/0)
Четвертый 1909–1913	151 (126/25)	16 (13/3)	27 (26/1)	32 (27/5)	34 (29/5)	36 (25/11)	6 (6/0)

Данные также свидетельствуют о низкой промысловой активности переселенцев в этом уезде, которая в основном концентрировалась в 3-м, 4-м и 5-м районах; более половины новых промыслов среди переселенцев возникло в последний период.

Видимо, эти специфические черты Минусинского уезда объясняются его достаточно активным промысловым развитием в предыдущий период.

В Енисейском уезде было лишь 48 новых промыслов, из них 3 — в переселенческих поселках, разбросанных по огромной территории уезда. Но и здесь рост темпов развития ремесленной деятельности пришелся на последнее перед 1913 г. десятилетие: 14 промыслов в 1904–1908 гг. и 21 — в 1909–1913 гг. В последнее пятилетие стали появляться переселенческие промыслы, но их доля здесь была самой низкой по губернии (подсчитано по: [1, с. 51–74; 4]).

Отметим еще несколько важных моментов в вопросе соотношения старожильческих и переселенческих промыслов в масштабе всей губернии. Из 340 селений, ответивших А. Г. Шлихтеру на заданный вопрос, 95 было чисто старожильческими, 103 — переселенческими и 142 — смешанными, при этом дворов старожилов было 29529, переселенцев — 12422 [1, с. 36, 38].

Переселенцы сразу не могли вести разнообразную промысловую деятельность, поэтому 36,3% селений новоселов имели 1–3 промысла, 22,7% — 4–5 промыслов и лишь 7,8% — более 5 промыслов [1, с. 36]. Из 12422 дворов новоселов 77,1% находились в селениях с 1–3 промыслами. Для сравнения: лишь 54,3% дворов старожилов находилось в таких селениях [1, с. 38]. Так что переселенцы начинали, по словам А. Г. Шлихтера, «потихоньку и полегоньку» [1, с. 37].

Данные по среднему количеству дворов на одно кустарное селение показывают, что даже в малопромысловых селениях старожильческих дворов было больше (65,5), чем переселенческих (39,1). А. Г. Шлихтер за-

ключает: «кустарные промыслы в Енисейской губернии возникали до сих пор в местностях наиболее населенных, т. е. преимущественно в старожильческих населенных пунктах» [1, с. 40]. Отсутствие ремесленной специализации переселенцев подчеркивается тем, что по всем трем группам кустарных селений по количеству промыслов (1–3 промысла, 4–5, 6 и более), новоселы имели примерно одинаковое количество дворов — 39,1, 30 и 29,9 соответственно, а в среднем по всем кустарным селениям — 36,5 дворов [1, с. 39].

В результате подсчетов могут быть сделаны следующие выводы.

Во-первых, в трех центральных уездах, через которые прошел Транссиб, на отдаленных от железной дороги территориях промысловая активность была более низкой. В Минусинском и Енисейском уездах, где влияние магистрали не ощущалось, преобладающее количество промыслов находилось в средней полосе. Но в 1909–1913 гг. именно в отдаленных территориях всех уездов, кроме Енисейского, темпы прироста новых промыслов оказались выше, чем на прилегающих к Транссибу землях. При этом если в Ачинском, Канском и Красноярском уездах причиной этого была колонизация, то в Минусинском, вероятно, — специализация промыслов. Выяснение специфики размещения каждого отдельного промысла требует дополнительного исследования.

Во-вторых, росла и промысловая активность переселенцев. Эта тенденция отчасти прослеживается в Минусинском уезде и явно — в трех центральных уездах. В последнем случае очевидна любопытная тенденция: усиление прироста переселенческих промыслов началось в 1904–1908 гг. в прилегающих к железной дороге территориях и продолжилось в следующее пятилетие во всех остальных районах этих трех уездов. При этом переселенцы открывали преимущественно лишь самые необходимые промыслы, совершенно не специализируясь на каких-либо отдельных их видах.

Библиографический список

1. Шлихтер А. Г. Кустарные промыслы в Енисейской губернии. — Красноярск, 1915.
2. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. — М., 1995.
3. Миронов Б. Н., Степанов З. В. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). — Л., 1976.
4. Список населенных пунктов Енисейской губернии. — Красноярск, 1911.
5. Степанин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. — Красноярск, 1962.
6. Памятная книжка Енисейской губернии на 1896 год. — Красноярск, 1896.
7. Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год. — Красноярск, 1907.